

НЕКОТОРЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
РЕФОРМИРОВАННОГО БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV - НАЧАЛА XV ВЕКА

И. Харалампиев

Вторая половина XIV века в Болгарии характеризуется значительным культурным событием - реформой богослужбной литературы. Эта реформа, связанная с именем последнего средневекового болгарского патриарха Евфимия, была многоаспектной, и в настоящее время оценивается как широкое общекультурное преобразование, значение которого, однако, далеко выходит за пределы болгарского государства. Среди ученых разных стран наблюдается значительный интерес к вопросам, связанным с различными сторонами реформы. В Болгарии в 1971, 1976 и 1980 гг. были проведены три международных симпозиума, посвященных Търновской литературной школе¹. Подготавливается двадцатитомное издание произведений, связанных с Търновской литературной школой.

Одним из основных аспектов реформы является правописно-языковой. Долгое время внимание уделялось прежде всего реформе правописания, а вопросы языковой реформы стали изучаться активнее лишь после Первого симпозиума 1971 года и особенно после работы Д. Ивановой-Мирчевой "Евтимий Търновски, писателя-творец на литературния български език от късното средновековие"².

Вне внимания ученых до сих пор остаются фонетические черты реформированного литературного языка, и это мешает полной характеристике и объективной оценке языковой политики търновских книжников. Причины этого известны: убеждение, что

¹ Материалы первых двух симпозиумов напечатаны в следующих сборниках: Търновска книжовна школа, т. I, С., 1974; Търновска книжовна школа 2. Ученици и последователи на Евтимий Търновски, С., 1980.

² В сб. Търновска книжовна школа, т. I, стр. 197-210.

Евфимий искусственно архаизировал и усложнил правописание, неизбежно предполагает, что невозможно вникнуть в искусственные правила и сказать что-либо определенное о фонетических особенностях реформы. С другой стороны, этому мешает и многолетняя традиция, изучающая в средневековой болгарской письменности только такие орфографические отклонения, которые дают сведения о живых фонетических процессах, характеризовавших развитие живого разговорного языка³, хотя некоторые из старых, крайних точек зрения уже давно изжиты⁴. Однако, не следует забывать, что в данном случае мы имеем дело с литературным языком, а это значит, что и задачи языковедческого исследования более многогранны. Кроме того, книжный болгарский язык второй половины XIV - начала XV века возвысился до уровня классического славянского литературного языка, "единственно достойного, по господствующей тенденции той эпохи, быть выразителем высшей мудрости и красоты"⁵. Несомненно главной отрицательной чертой реформированного литера-

³ Исключение составляет исследование фонетических особенностей "Похвального слова Евфимию" от Григория Цамблака, опубликованное А. Давидовым. См. Преписи и издания на "Похвално слово за Евтимий" от Григорий Цамблак. В кн.: П. Русев. Ив. Гълъбов, А. Давидов, Г. Данчев. Похвално слово за Евтимий от Григорий Цамблак. С., 1971, стр. 93-101.

⁴ Сравни, например, следующую цитату у К. Мирчева: "Реформаторы типа патриарха Евфимия, которые стараются навести порядок в среднеболгарском письме, блуждают в безысходности в результате своего преклонения перед заведенными стариной буквами и противоречия, в котором последние находятся с живым языком. /.../ О процессах, которые возникали в развитии языка, о свойствах старого языка, ради которого была приспособлена кириллица в X веке, они имели крайне смутное представление /Историческа граматика на българския език, изд. III, С., 1978, стр. 36-37/.

⁵ Д. Иванова-Мирчева. Проблеми на книжовния български език до възраждането. Български език, 1972, кн. 6, стр. 511.

турного языка явилось уклонение от живой разговорной речи, но и эту черту не следует абсолютизировать. Неоднократно отмечалось, что несмотря на все свои старания тырновские реформаторы не могли полностью противостоять изменениям, которые происходили в разговорной речи, а кое в чем вынуждены были пойти на компромисс⁶. Как известно, например, все произведения Евфимия Тырновского были предназначены для произнесения перед слушателями. Как справедливо отмечает Д. Иванова-Мирчева, "последний тырновский патриарх был прославленным и любимым народным пастырем. Он не мог работать над своим языком сознательно с целью, чтобы сделать его непонятным"⁷.

Из всего сказанного следует, что язык реформированной письменности и в отношении фонетики должен отражать в известной степени некоторые наиболее важные фонетические чер-

⁶ См., например, следующие работы: Д. Иванова-Мирчева. Евтимий Тырновски, писател-творец на литературния български език от късното средновековие, сб. Тырновска книжовна школа, т. I, С., 1974, стр. 197-210; Й. Русек. Промени в лексиката на българския език и отношението на патриарх Евтимий към тях, сб. Тырновска книжовна школа, т. I, стр. 179-196; Ив. Гълъбов. Цамблаковото слово за Евтимий и българският книжовен език в края на XIV век. В кн.: П. Русев, Ив. Гълъбов, А. Давидов, Г. Данчев. Похвално слово за Евтимий от Григорий Цамблак, С., 1971, стр. 78, 89; П. Русев. Реформата на Евтимий Тырновски /Характер, особености, разпространение/, сб. Тырновска книжовна школа, т. II, С., 1980, стр. 51; Ив. Харалампиев. Степенуване на наречията в езика на Евтимий Тырновски. Български език, 1977, кн. 6, стр. 461-465; Ив. Харалампиев. За основните принципи на езиково-правописната реформа на патриарх Евтимий Тырновски. Български език, 1979, кн. 1, стр. 22-30; Ив. Харалампиев. Евтимий Тырновски и членните форми в среднобългарските писмене паметници, сб. Тырновска книжовна школа, т. II, стр. 398-404.

⁷ Д. Иванова-Мирчева. Евтимий Тырновски, писател-творец..., стр. 209.

ты разговорного болгарского языка второй половины XIV в., несмотря на наличие в нем сложных и, как утверждают, часто искусственных орфографических правил. В данной статье делается попытка подкрепить сказанное примерами из языка двух наиболее видных представителей тырновской литературной школы - Евфимия Тырновского и Григория Цамблака⁸.

Недавно была сделана удачная попытка систематизации основных орфографических правил, введенных Евфимиевой реформой⁹. Создается впечатление, что правила эти различны по своему характеру. В одних случаях это правила чисто орфографического характера, не связанные с различием произношения /например, использование нескольких букв для обозначения и и о/, а в других - /например, правила употребления носовых и редуцированных и т.д./ эта связь очевидна. Именно орфографические правила второго типа могут быть успешно использованы для решения фонетических вопросов. Существует, разумеется, ряд трудностей. Как увидим в дальнейшем, невозможно, например, точно установить, как именно читались буквы, обозначавшие два носовых /ѡ и ѡ/и гласный ѣ [ѣ], хотя в принципе и ясно, что орфографические правила, связанные с ними, соответствовали произношению. И все-таки в таких случаях можно считать, что правописание соответствовало живым фонетическим чертам, а это уже обязывает нас быть более внимательны-

⁸ Использован материал из Евфимиевских житий и похвальных слов, которые издал E. Kaluzniacki. Werke des patriarchen von Bulgarien Euthymius /1375-1397/, Wien, 1901, p. 5-102. Привлечен и материал из двух Цамблаковых произведений: "Похвално слово за Евтимий" /П. Русев, Ив. Гълъбов, А. Давидов, Г. Данчев. Похвално слово за Евтимий от Григорий Цамблак, С., 1971, стр. 112-232/ и "Мъчение на Иоан Нови" /П. Русев, А. Давидов. Григорий Цамблак в Румъния и в старата румънска литература, С., 1966, стр. 99-122/.

⁹ В. Василев. Правописната реформа на Евтимий и отражението и в произведения на негови следовници и на българските дамаскинали, сб. Тырновска книжовна школа, т. II, стр. 405-418 /избранную литературу по вопросам Евфимиевой орфографической реформы см. на стр. 409/.

ми в своих крайних оценках характера реформы.

1. Как пишет В. Василев, "вопрос о произношении д и а в эпоху Патриарха Евфимия остается открытым, хотя все данные подтверждают, что эти буквы не обозначали уже носовых гласных"¹⁰. Вопрос в самом деле открыт, поскольку все еще никому не удалось доказать, как точно читались буквы д и а в письменных памятниках среднеболгарской эпохи /XII-XIV вв./ . Часть орфографических правил, связанная с написанием носовых, по мнению В. Василева, была искусственна¹¹, но это утверждение не соответствует очевидному обстоятельству, что буквы, обозначающие носовые гласные, должны были как-либо читаться, а это уже означает, что правописание всюду соответствовало чтению. Напомним, что сказанное относится к написанию д в начале слова, а после л', н', р' и написанию -да, -ла или -ла в различных падежных формах. Важно, что сочетание -да в вин. падеже ед.ч. имен с основой на -а встречается и в других памятниках XIV века, например, в "Троянской повести".

Факт, что реформа допускала взаимную замену носовых. Эта замена не является хаотичной, она подчиняется определенным правилам, которые достаточно точно сохранились в различных списках произведений Евфимия и Цамблака. Исследователи до сих пор не обратили внимания на один интересный факт. Несмотря на то, что в принципе списки сербской редакции заменяют д буквами оу, а а буквой е, это не механическая замена, она происходит в соответствии с этимологическими местами двух носовых гласных. Сербские переписчики избегали замены носовых в болгарском тексте, где замена носовых ни в коем случае не является только орфографическим моментом, она соответствовала определенному чтению болгарских книжников. Составим два отрывка, которые передают один и тот же текст из Евфимиева "Похвална слова Константину и Елене". Один из них - в болгарской редакции /из сборника Якова из Путны

¹⁰ В. Василев. Указ. статья, стр. 412.

¹¹ Там же, стр. 413.

/1474 г./, по изданию Г. Михаила¹²/, а другой текст - в сербской редакции /из Рильского сборника Владислава Грамматика от 1479, по изданию Е. Калужнячки¹³/.

Съраженію же овшимъ вшеши
вранемъ, стра/х/ и трепеть.
нападе на мѹчителѣ и на сѣ-
ща съ нмь вѣа и вѣгоу сѣ
аць съ малѣми нѣкыими. Ве-
линыи же въ цре/х/ и вѣ/с/-
твѣншии Кшнстантїнь въ
слѣ/д/ его погнавъ, он же
вѣжд, въ своа вѣпаде сѣтъ,
аже въ стѣх Кшнстантїноу
положилъ вѣше.

Съраженію же обонмь вѣвшоу
вранемъ, страхъ и трепеть на-
паде на мѹчителѣа и на соушее
съ нмь воІе и вѣгоу се Іеть съ
малѣми нѣкыими, Велиныи же въ
царехъ и бож/ь/ствѣншии Кшн-
стант нь въ слѣдъ его пог-
навъ, онъ же вѣже, въ своу
вѣпаде сѣтъ, юже въ светыхъ
Кшнстантїнѣ положилъ вѣше.

/Г. Михаила, стр. 289/

/И. Калужнячки, стр. 110/

Из приведенного сопоставления видно, что в отрывке сербской редакции оу и в последовательно пишутся в тех местах, где в староболгарском следовало бы ожидать д и д, независимо от того, что в болгарском первоисточнике носовые писались в других местах. Бесспорно, следовательно, что правила написания носовых, введенные реформой, отвечали способу чтения, вероятно, соответственно с особенностями северо-восточного болгарского произношения того времени. Могут быть предложены различные толкования, но они будут опять-таки только вероятными, так как не известно ни одного примера, в котором д и д были бы заменены буквами других гласных. В этом случае важно то, что правописание не противоречило произношению, а напротив - оно было с ним в максимальном соответствии. Кроме сильной традиции, фактором продолжительного сохранения в правописании букв д и д выступало их неодинаковое звучание в

¹² G. Mihăilă. Cultură și literatură română veche în context european, București, 1979.

¹³ E. Kalužniacki. Указ. соч., стр. 103-146.

различных болгарских диалектах в XIV веке, а с другой стороны - неодинаковое звучание гласных в ударном и безударном положении даже в одном и том же диалекте.

2. Редуцированные гласные. Произведения Евфимия Тырновского и Григория Цамблака дают больше сведений и притом более достоверные сведения относительно редуцированных гласных и их обозначения в текстах. В. Василев с полным основанием видит в орфографических правилах известную уступку разговорной речи¹⁴. На первом месте следует отметить, что тырновские книжники знали только один редуцированный гласный звук, соответствующий современному болгарскому гласному ъ. Это явствует из четко выраженного стремления писать ъ только там, где гласный произносился, например, вѣрнѣ, да мѣтуасть, тън'ноуастьнѣ, прилѣпши, тѣзоненитон, тъмоѣ, стѣкла, тъмо и др. После у и в корне лъст - последовательно писался редуцированный ь. В остальных случаях ь не имеет фонетической ценности. Также не представляют фонетической ценности редуцированные в конце слов. Они обозначают только конец самостоятельных слов, и пропускаются в проклитиках, или же когда после слова следует энклитика: оудалитъ са, шт радости, тъм же и др.

В староболгарских сочетаниях оѣ/оѣ, лъ/лъ пишется только ъ, что дает основание предполагать, что в этих местах звучал гласный ъ. Производит впечатление то обстоятельство, что в то время имело место широкое распространение падения слабых редуцированных. Речь идет о тех слабых редуцированных /за исключением конца слов/, которые в принципе могли утратиться. В болгарском языке этот процесс очень древний. Он берет свое начало еще от середины староболгарского периода /IX-XI вв./¹⁵. Вот несколько примеров: кротѣиши, праза-

¹⁴ В. Василев. Указ. статья, стр. 408.

¹⁵ Ср. К. Мирчев. Историческа граматика на българския език, стр. 123.

ник, срѣтшоу, изнемогше, вѣрних, неосклоннѣ, злостраданію и др. Есть случаи, когда слабые редуцированные пишутся. На первом месте следует отметить последовательное написание ера в приставке вѣ- и в формах местоимений вѣсь, вѣснѣ, вѣсѣуьснѣ. То же самое наблюдается относительно редуцированного ерового гласного в приставке сѣ- /из этого правила имеются отдельные исключения/. Сохранение слабого ера вне указанных выше условий носит характер исключения, оно наблюдается непоследовательно и в немногочисленных примерах.

Сильные редуцированные последовательно сохраняются и, следовательно, произносятся. Характерно, что весьма редко встречается прояснение ѣуо, и то только в формах с традиционно проясненным ером типа црѣьновѣ и любовѣ. Прояснение ѣуе является последовательным только в суффиксах -нѣ и -ць: срѣаецѣ, конецѣ, благоаотровенѣ, еанноравенѣ, старецѣ, ног - пецѣ и др. Из сказанного можно сделать вывод, что в отношении написания редуцированных реформированный литературный язык второй половины XIV и начала XV века в большой степени отражал состояние разговорной речи Тырновской Болгарии, т.е. правописание и здесь не затрудняло чтения.

3. Гласный ѣ [ѣ]. Буква ѣ пишется последовательно, этимологически правильно и никогда не заменяется буквой е или а. Это в значительной степени препятствует точному определению его звучания в языке Евфимия Тырновского и Григория Цамблака. Однако существовала одна важная орфографическая особенность, на которую при исследовании материала из произведений Цамблака обратил внимание А. Давидов¹⁶, а несколько лет тому назад мы отметили ее как характерную и для Евфимиевского правописания¹⁷. Речь идет о последовательном написа-

¹⁶ См. А. Давидов. Правопис на най-стария препис на "Мъчение на Йоан Нови". В кн.: П. Русев, А. Давидов. Григорий Цамблак в Румъния..., стр. 135; А. Давидов. Преписи и издания на "Похвално слово за Евтимий" от Григорий Цамблак. В кн.: П. Русев и др., Похвално слово за Евтимий от Григорий Цамблак, стр. 99.

¹⁷ Ив. Харалампиев. За основните принципи..., стр. 25.

нии ѣ на месте Іа после л', н' и р', например: земль /им.п. ед.ч./, царѣ, конѣ, сѣжителѣ, сѣздателѣ, иужителѣ /род.п. ед.ч./, обнавѣвет сѣ, простаѣвѣжшаго, оумрѣплѣжши, иуиѣнѣдше сѣ, сѣравнѣвати, прѣкланѣти и др. Указанная орфографическая особенность дает основание предполагать, что в языке тырновских книжников-реформаторов гласный ѣ уже не имел специфичного звучания, а произносился то как е, то как 'а, в зависимости от своей позиции в слове. Написание ѣ вместо Іа встречается очень часто в среднеболгарских письменных памятниках, и этот факт объясняется переходом Іа в широкое е¹⁸. Как бы то ни было, мы имеем дело с орфографическим компромиссом, который несомненно опирался на живые произносительные особенности.

4. Ассимиляционные изменения согласных. Вопрос об ассимиляционных изменениях согласных в языке тырновских книжников является весьма интересным, так как в этих изменениях отражается, с одной стороны, "сопротивление" правописания, а с другой - естественная свобода в произношении, т.е. и здесь орфографические правила не противоречат чтению.

Известно, что ассимиляционные изменения согласных являются следствием ранней утраты редуцированных гласных в слабой позиции. Выше мы отметили, что тырновская орфографическая реформа избегала обозначения слабых редуцированных внутри слова, что является, несомненно, отступлением в пользу живой речи. Следовательно, с уверенностью можно утверждать, что в таких словах, как прѣтеча, штгнша, пришедше, оустрѣмивше сѣ, сладнаа, роуководствоуІаѣ, прѣставши и др. подчеркнутые согласные должны были произноситься как соответствующие им звонкие или глухие согласные, независимо от последовательного правильного их написания.

Единственной орфографически нормированной является регрессивная ассимиляция з с, и причем только тогда, когда со-

¹⁸ См. К. Мирчев. Историческа граматика..., стр. 121.

гласный находится в приставках без-, взз-, нз-, и раз-. Указанное ассимиляционное изменение обыкновенно отражается только в тех случаях, когда согласный звук, следующий за з приставки, является глухим шумным /без с и у/, например: взспитаніе, расточн, нстшунци, испльменаа, исповѣдааше, расхьщааше, распыааха са, взстрже, взслытити, исцѣленіа, бесконечнаа и др.

Известная непоследовательность наблюдается в случае приставки без-, которая может встречаться и без изменения согласного з перед согласным к: безиршвннь, безиваснаа, безночуннаа. В принципе в приставке без- з может вести себя по-разному, особенно тогда, когда, как мы увидим в дальнейшем, следующий согласный - с или з.

В тех случаях, когда после з в приставках взз- и нз- стоит звонкий шумный согласный, с или у, з не изменяется: вззавиже, вззсилааше са, невззвранно, нзглаголавъ, нзѣст-новаше и др.

Больше свободы допускается в связи с приставками без- и раз-. В них в определенной части случаев з постигает та же судьба, что и в приставках взз- и нз- в описанных выше условиях: безунно, вззсточанъ, вззсточанъ, вззсэнш, разгласіа и др. Однако в отличие от положения в приставках взз- и нз-, в приставках без- и раз- согласный з часто может пропускаться, когда после него стоит з или с, например: весир/з/тге, вестрашѣшь, везаншен', вестрастге, расмотривъ, раскандельнъ, расжденіе, раславленого, раста и др. Примеров этого типа весьма много, больше, чем тех, в которых согласный з не выпадает, так что невозможно считать их случайными ошибками.

з в приставках взз- и нз- никогда не выпадает при описанных выше условиях. Это вряд ли случайно. Можно предположить, что тут правописание, хотя и давало свободу произношению, но вмешивалось в те случаи, когда существовала опасность смешения приставок взз- и вз- и приставки нз- и союза

и. Такой опасности не существовало в случае приставок взъ- и разъ- и по этой причине в них наблюдается большая свобода в сохранении или выпадении з. Разумеется, это только одно из возможных объяснений, но оно необходимо, поскольку, как уже было показано, в описанном процессе не было исключений.

Прогрессивная ассимиляция весьма редкое явление, и она за немногим исключением не обозначается в исследуемом нами материале. Обыкновенно пишутся только заравь, заравиѣ, зае вместо сзаравъ, сзаравиѣ, сьае.

5. Нет необходимости останавливаться на других фонетических вопросах, которые не дают сведений о чем-либо новом, об определенном отношении реформаторов к традициям или к вновь развившимся чертам. Повторяем, что для нас в данном случае не важны те орфографические особенности, которые не связаны непосредственно с чтением, которые не имели непосредственной связи с живым произношением. Показательно, что правописание и в этих случаях не противоречило чтению, несмотря на все его многообразие и искусственность в некоторых отношениях. В качестве примера можно привести регулярное написание и на месте начального и после приставок разъ-, взъ- и об-. Поскольку можно утверждать, что в произведениях Евфимия Тырновского и Григория Цамблака и только знак, который фонетически соответствует гласному и, то и здесь правописание не противоречило произношению, независимо от сохранения одного весьма старого орфографического правила, возникшего первоначально как отражение фонетического изменения в староболгарском языке.

х х х

Из всего сказанного выше следует, что в фонетическом отношении реформированный болгарский литературный язык второй половины XIV в. и начала XV века не стоит так далеко от разговорной болгарской речи того времени, как обыкновенно счи-

тают. Разумеется, мы должны учитывать то обстоятельство, что этот литературный язык имел свои специфичные функции, свою определенную аудиторию слушателей и читателей, следовательно, невозможно, да и не нужно искать в нем значительного отражения живых фонетических черт, которые с трудом проникали даже в демократические в языковом отношении средневековые памятники. Необходимость в строгом орфографическом единстве вызвала введение новых или узаконение старых, достаточно сложных орфографических правил, но, видимо, эти правила не затрудняли чтение, а, напротив, часто были с ним в соответствии, т.е. в отдельных случаях они шли на компромисс, на уступки в пользу разговорной речи. Следует отметить, что было бы очень легко ввести написание букв ж, л, ѣ, ѝ, и џ лишь в этимологически оправданных местах, если нововведения Евфимия сводились бы в самом деле к возвращению старых орфографических норм, характерных для староболгарского литературного языка IX-XI веков, т.е. к крайней архаизации правописания. Однако, как было показано, состояние языка в произведениях двух крупнейших представителей Тырновской литературной школы - Евфимия Тырновского и Григория Цамблака - во многом различно. Все сказанное о фонетических чертах реформированного литературного языка и об их отражении в правописании с полным правом можно отнести и к остальным языковым уровням - морфологическому, синтаксическому и лексическому.